

Did the Proconsul Caesar enter the City of Rome at the Beginning of 49 B. C.?

R. M. Frolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This paper argues that, in the first months of 49 B. C., the proconsul Caesar did not enter Rome but remained near the city (*ad urbem*). He delivered speeches in the senate and in a *contio*, both legally convened for him outside the city limits. Our ancient sources do not allow us to conclude that Caesar entered Rome in order to organize right on the spot the emptying of the *aerarium* at the temple of Saturn on the forum or that he spent some time in the *regia* (likewise located in *urbe*). Thereby Caesar demonstrated his respect for republican regulations (according to which, a *promagistrate* lost his power upon entering Rome and, among other things, was not entitled to convene the senate). However, while avoiding the formal breach of these rules, the proconsul still attempted to control and direct the political processes in the city of Rome.

Keywords: Roman republic; *promagistrates*; *in urbe*; *ad urbem*; *pomerium*; *sphere domi*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov Roman M. | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Funding: The research for this article was supported by the Alexander von Humboldt Foundation through the Humboldt Research Fellowship for Postdoctoral Researchers (*Humboldt-Forschungsstipendium für Postdoktoranden*).

Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н. э.?

Р. М. Фролов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(37).05
Научная статья

В статье аргументируется тезис о том, что в первые месяцы 49 г. до н. э. проконсул Цезарь не вошел в город Рим, а оставался в его предместьях (*ad urbem*). Он выступил в сенате и в *contio*, которые были созданы для него законным порядком за городской чертой. Сведения источников не позволяют утверждать, что Цезарь вошел в Рим, чтобы лично руководить изъятием средств из эрария при храме Сатурна на форуме, либо какое-то время находился в Регии, располагавшейся *in urbe*. Таким образом, Цезарь демонстрировал уважение к фундаментальным республиканским нормам (согласно которым промагистрат утрачивал власть при вступлении в Рим, а также, например, не мог сам созывать сенат). Избегая формального нарушения этих правил, проконсул тем не менее стремился контролировать и направлять политические процессы в городе Риме.

Ключевые слова: Римская республика; промагистраты; *in urbe*; *ad urbem*; *pomerium*; сфера *domi*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов Роман Михайлович | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного научно-исследовательской стипендией Фонда Александра фон Гумбольдта (*Humboldt-Forschungsstipendium für Postdoktoranden*).

В марте 49 г.¹ Помпею удалось ускользнуть от преследования Цезаря и покинуть Италию. После этого Цезарь вернулся к Риму. Оставаясь еще на положении проконсула, он не мог пересечь границу города, обычно в исследовательской литературе определяемую как *померий*². В Республике по-прежнему действовало, существенно влияло на по-

литическую ситуацию и, по-видимому, никем всерьез не оспаривалось правило, согласно которому промагистрат утрачивал власть (империй и вместе с ним провинцию/провинции), если входил в Рим³. Ниже я аргументирую тезис о том, что проконсул Цезарь так и не вошел в Город в 49 г. Этот момент важен для понимания того, как Цезарь мог обеспе-

¹ Все даты – до нашей эры.

² В недавней диссертации Д. Эммелиус [1] оспаривает релевантность понятия *pomerium* как обозначения конкретной границы, повлиявшей на функционирование политических институтов.

³ Ср., например, Cic. Att. 7.74: *itaque si hoc imperium mihi molestum erit, utar ea porta quam primam videro* (декабрь 50 г.). Поэтому отнесение К. Пеллингом [2, р. 332] этой нормы к числу «тонкостей» (*niceties*) вводит в заблуждение.

читать контроль над политическими процессами в самом Риме, несмотря на то что оставался промагистратом.

Привести к выводу о том, что Цезарь оказался *in urbe* (в городе) еще будучи проконсулом, могут сообщения о двух событиях 49 г. Первое из них – заседание сената 1 апреля (и в последующие дни: *Caes. BCiv.* 1.33), а также *contio*. Проконсул выступил и там, и там (*Dio Cass.* 41.15–16). Насколько мне известно, в историографии не высказывается серьезных сомнений по поводу того, что все эти собрания происходили *ad urbem* (под городом). Это однозначно показывает переписка Цицерона, в которой и он сам, и его корреспонденты говорят о прибытии Цезаря *ad urbem* для участия в заседании сената (*Att.* 9.15.6; 9.17.1; также см. *Fam.* 4.1.1)⁴. Присутствие самого проконсула Цицерона на этом собрании не было исключено именно потому, что локализация *ad urbem* не противоречила его намерениям оставаться за пределами Города, чтобы не потерять империй и права на триумф.

Дион Кассий тоже прямо говорит о том, что сенат собрался за чертой померия (ἔξω τοῦ πωμηρίου), причем официально он был созван плебейскими трибунами М. Антонием и Кв. Кассием Лонгином (*Dio Cass.* 41.15.2–4). Иными словами, даже несмотря на то, что источники Диона в данном случае по отношению к Цезарю настроены скептически и даже негативно [3, р. 57–61], из текста следует, что были соблюдены все правила [4, S. 46]⁵ и формально проконсула просто пригласили в сенат для отчета. Последовавшая за этим *contio* таким же образом была созвана за чертой померия (*Dio Cass.* 41.16.1: καὶ πρὸς τὸν δῆμον, καὶ αὐτὸν ἔξω τοῦ πωμηρίου συνελθόντα; также ср. *Sen. Ben.* 5.16.5: *castra in circo Flaminio posuit*). Лишь у Лукана се-

нат собирается на Палатине (то есть в черте города), трибуны не играют никакой роли, а сенаторов созывает сам Цезарь (3.103–109) [5, р. 78–80; 6, р. 91; 7, р. 93; 8, S. 98–99]. К этому свидетельству поэта вернемся ниже.

Второй инцидент вызывает больше затруднений. Речь идет о столкновении Цезаря с плебейским трибуном Л. Цецилием Метеллом (тоже, очевидно, в апреле 49 г.) [4, S. 46–57; 9; 10, р. 209–210; 11; 12, S. 212–214; 13]. Последний препятствовал проконсулу при помощи интерцессии, а кроме того, заблокировал доступ к *aerarium sanctius*⁶, средства из которого стремился получить Цезарь. Некоторые источники подразумевают, что проконсул лично угрожал Метеллу. Если это так, то Цезарь должен был бы войти в Город, поскольку эрарий располагался в черте померия, в храме Сатурна⁷. Сам Цезарь о пребывании *in urbe* не сообщает (*BCiv.* 1.32–33), но его версия (в которой угрозы в адрес Метелла по понятным причинам прямо не упоминаются) вряд ли может быть принята без подкрепления со стороны других источников.

Немедленно возникает вопрос: если Цезарь позаботился о созыве сената и *contio* за чертой города и в письме Цицерону в начале марта 49 г. сам говорил о намерении прибыть именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 9.6a; аналогично *Att.* 9.6.1; 9.11a.1; 9.16.3; 9.17.1; *Fam.* 8.15.1; *Caes. BCiv.* 1.32.1: *ad urbem proficiscitur*), то почему он все-таки оказался *in urbe* из-за Метелла, тем самым формально лишив себя проконсульской власти, а также права на галльский триумф⁸? Когда было решено забрать деньги из казны, зачем понадобилось личное присутствие Цезаря, если и без него солдаты могли выполнить поставленную задачу, проигнорировав *sacrosanctitas* (неприкосновенность) трибуна, а статус проконсула (точнее, бывшего проконсула, потерявшего

⁴ Указания позднейших авторов менее определенны (*Vell. Pat.* 2.50.2: *in urbem revertit*; *Suet. Iul.* 34.2: *Romam iter convertit*; *Oros.* 6.15.5: *Romam venit*), хотя фразу Плиния Старшего можно при большом желании интерпретировать в том смысле, что лично Цезарь (а не его солдаты) оказался *in urbe* (*Plin. Nat.* 33.56: *introitu urbis*).

⁵ Неверно Пеллинг [2, р. 330], который пишет, что Цезарь «созвал сенат».

⁶ Об этой казне см. [14].

⁷ Этот тезис весьма распространен в историографии: [10, р. 209, н. 5; 13, S. 126; 15, S. 167; 16, S. 51–52, *Anm.* 34; 17, S. 183; 18, р. 430].

⁸ Уже это соображение позволяет отвергнуть поспешное суждение Пеллинга [2, р. 332] о том, что якобы «маловероятно» соблюдение формальности, согласно которой промагистрат не мог войти в город.

империй при вступлении в Город) никаких формальных преимуществ в противостоянии с плебейским трибуном не предоставлял? Кроме того, не выглядит ли странным предположение о том, что Цезарь не предвидел последствий «дискуссии» с Метеллом на виду у всех⁹, во время которой последнему было нетрудно публично уличить проконсула в нарушении прав трибунов? Разве не должен был Цезарь исходить из того, что придется силой захватывать казначейство и что, следовательно, его личное участие в этом мероприятии еще больше ударило бы по его популярности?

Все эти вопросы снимаются, если следовать рассказу Диона Кассия, который сообщает только, что солдаты, посланные забрать государственные средства, проигнорировали Метелла и взломали двери эрария (Dio Cass. 41.17.2; также ср. Flor. 2.13.21: *iussit effringi*). В логике повествования Диона появление самого Цезаря на месте событий действительно оказывается ненужным. Однако Ж.-Л. Феррари отвергает это свидетельство. Якобы Дион специально создает впечатление, что Цезарь не появился у эрария, а только послал туда солдат, поскольку греческий автор исходил из того, что как проконсул Цезарь не мог перейти померий [11, р. 288–289, п. 17]. Действительно, Дион очень хорошо знал об этом ограничении (см. выше). Однако неясно, на каком основании предполагается, что он должен был легитимировать Цезаря в том случае, если бы действительно обладал информацией, что проконсул все-таки оказался *in urbe* (или – в терминах Диона – внутри померия; ср. [4, S. 49]).

Свою интерпретацию Феррари подкрепляет, ссылаясь на переписку Цицерона и сочинения Плутарха. В письме к Аттику от 7 апреля 49 г. Цицерон отмечает: «Говорят, что тебя видели в Региии. И я, конечно, не осуждаю, так как и сам не избежал этого порицания» (*Att.* 10.3a.1: *visum te aiunt in regia, nec reprehendo, quippe cum ipse*

istam reprehensionem non fugerim). Фрагмент, как правило, понимают буквально: Аттик явился в Регию, где и находился Цезарь (великий понтифик, резиденцией которого являлось это сооружение). Регия располагалась *in urbe*, Цезарь, следовательно, оказался там же [11, р. 288–289, п. 17; 16, S. 51–52, Anm. 34; 19, S. 233; 20, р. 400, 403–404]. «Против» такого прочтения и в целом «против» предположения о том, что проконсул вступил в Рим, высказался Б. Войтек [4, S. 49, Anm. 163], однако свой вывод он не обосновал (не попытался объяснить фразу *visum te aiunt in regia*).

Прежде всего странным выглядит небольшая по размерам Регия, которая должна была быть использована для публичных встреч¹⁰. Далее, ничто не мешает понять текст Цицерона как признание в том, что его обвиняли в «приходе в Регию» в том же смысле, как и Аттика. Однако Цицерон сам оставался проконсулом и только ради личного разговора с Цезарем в Региии он вряд ли готов был утратить империй и право на триумф, на который по-прежнему надеялся. Поскольку Цицерон в действительности в Рим не вошел, *regia* может означать не только в его случае, но и в случае Аттика лишь факт переговоров с Цезарем, но не конкретное место этих переговоров (*contra* [19, S. 233]). Тогда *regia* является метафорой, которая, с одной стороны, позволяет понять, что речь однозначно идет именно о Цезаре (великом понтифике с резиденцией в Региии), а с другой стороны, попутно намекает на стремление последнего к царской власти (*regnum*). Наконец, если это прочтение не убеждает, можно задать такой вопрос по поводу буквального понимания: ради чего Цезарь должен был находиться именно в Региии (точно не ради встречи с Метеллом), если тем самым он, подчеркну еще раз, сам себя лишал власти проконсула? Никакого объяснения этому в историографии не предлагается.

⁹ Именно так представляет себе ситуацию Ж.-Л. Феррари [11, р. 288].

¹⁰ Я благодарю рецензента статьи, обратившего внимание на этот момент.

В пользу версии о метафорическом употреблении *regia* свидетельствует письмо от 25 февраля 49 г., в котором Цицерон обращается к Аттику с такими словами: «... когда даже вы, два таких мужа, (выйдете) к пятому мильному камню... Насколько более неудержимо будет он уверен в своем деле, когда вас и подобных вам увидит не только во множестве, но и поздравляющими его с выражением радости на лицах!» (*Att.* 8.9.2: ...*si quidem etiam vos duo tales ad quintum miliarium... quanto autem ferocius ille causae suae confidet, cum vos, cum vestri similis non modo frequentis sed laeto vultu gratulantis viderit!*). Конечно, это свидетельство не может служить строгим доказательством того, что в *Att.* 10.3a.1 Цицерон имеет в виду встречу Аттика с Цезарем не в Регии, а *ad urbem*. Однако оно вполне подтверждает, что Атик намеревался лично приветствовать Цезаря как победоносного проконсула, претендующего на триумф, еще в момент его приближения к городу, т. е. не в самом Риме, а в его предместьях (ср. *Cic. Att.* 9.7.2: *ne ... ad urbem ἀπάντησις mea animadvertatur*)¹¹. Таким образом, если Атик реализовал свое намерение (против этого допущения свидетельств нет), то никакой необходимости для него изъяслять Цезарю все то же самое в Регии не было. Выход к «пятому мильному камню», как и заседание сената *ad urbem*, формально полностью соответствовал бы обычной ситуации, когда проконсул, претендующий на триумф, прибывал в предместья Рима.

Еще одним косвенным подтверждением интерпретации *regia* в *Cic. Att.* 10.3a.1 как метафоры являются передаваемые Цицероном в другом письме слова Г. Куриона о том, что Цезарь стремится избежать дальнейшего падения своей популярности, поскольку и так уже навредил себе тем, как поступил с казначейством. Из-за этого проконсул даже не решился перед отъездом от Рима произнести речь перед народом на сходке, как изначально планировал (*Att.* 10.4.8).

¹¹ Также ср. [21, р. 466, н. 90; 22, р. 100–101, н. 240], где подчеркивается значение этих планов Аттика, но одновременно упоминается его встреча с Цезарем в Регии.

Эти опасения и неуверенность Цезаря вряд ли можно согласовать с версией, из которой следует, что до этого он вошел в Рим (утратив тем самым в глазах сограждан всякие претензии на законное обладание империей и на триумф) и даже некоторое время оставался в Регии, а затем как ни в чем ни бывало продолжил действовать как проконсул, хотя все же «постеснялся» выступить перед народом. Попутно замечу, что никаких намеков на «обмен любезностями» с Метеллом у дверей эрария и в этом письме нет. Говорится о желании Цезаря в порыве гнева убить трибуна (*voluisse Caesarem occidi Metellum*), но, во-первых, проконсул от этого все же воздержался, а во-вторых, это не подтверждает, что такое желание у него возникло, когда он лично лицезрел Метелла, охранявшего эрарий (расе [11; р. 288–289, н. 17]). В письме от 2 мая Цицерон снова указывает на инцидент с трибуном и на захват эрария, но не на то, что Цезарь лишился империя и претензий на триумф, вступив в Город (*Att.* 10.8.6), хотя это должно было бы произойти как раз из-за Метелла.

Последовательное применение Цицероном выражения *ad urbem* при описании созыва сената 1 апреля 49 г. (см. выше), его беспокойство по поводу собственного положения, формально во многом идентичного положению Цезаря (проконсул, избегающий вступления в Рим ради сохранения империя и права на триумф), многочисленные указания на обсуждения прибытия Цицерона именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 7.17.3; 7.18.3; 9.7.2; 9.18.1; 9.19.4; 10.4.11; *Fam.* 4.1.1; также ср. *Att.* 8.11b.3: *ab urbe*), на мой взгляд, исключают возможность того, что Цицерон ни разу не обратил бы внимание на нахождение Цезаря *in urbe*, если бы таковое действительно имело место¹².

На молчание Цицерона и других современников Цезаря по этому поводу обратил внимание Й. Ян, однако его объяснение сво-

¹² Примечательно также то, в каких выражениях Цицерону в одной фразе (*Att.* 9.15a) сообщают о вступлении Цезаря в Брундиций (*in oppidum introisse*) и о его намерении прибыть к Риму (*velle ante Kalendas esse ad urbem*).

дится к тому, что все стороны конфликта нарушали *mos maiorum*, поэтому вступление Цезаря в Рим просто не заметили («*wurde ... von niemandem empfunden*» [17, S. 183]). Этот аргумент нельзя принять, поскольку Цицерон, например, все же подробно высказывается по поводу прочих нарушений со стороны Цезаря¹³.

Свидетельства, из которых действительно однозначно следует, что Цезарь оказался *in urbe*, а не *ad urbem*, сводятся к рассказам Лукана и Плутарха о столкновении Цезаря с Метеллом. У Лукана этот инцидент становится выразительным поэтическим средством. Для достижения нужного эффекта писателю важно создать впечатление о том, что Цезарь лично угрожал Метеллу и чуть ли не намеревался убить его собственными руками. Конечно, можно сразу констатировать, что поэту не составило бы труда в своем повествовании «перенести» Цезаря поближе к эрарию и к Метеллу, если это было бы необходимо для раскрытия художественного замысла, характеров героев и т. д. Но все же одного этого соображения недостаточно, чтобы утверждать, что именно в данном случае Лукан определенно допустил искажение исторической действительности¹⁴. Однако есть дополнительные основания полагать, что это именно так. Необходимо учитывать явно выраженную тенденцию Лукана при изображении других действий проконсула Цезаря в начале 49 г.

Как отмечено выше, Дион прямо указывает на то, что в апреле 49 г. Цезарь сам не собирал сенат. Это вполне логично, поскольку, во-первых, созыв сената проконсулом был бы однозначно незаконным актом, каковых Цезарь в этот период подчеркнуто стремился избегать. Во-вторых, все это было не нужно, если имелись плебей-

ские трибуны, готовые собрать сенат в законном порядке. Кроме того, у Диона сенаторы собрались за чертой померия. Лукан же, переместив события из предместий Рима на Палатин¹⁵, не только приписал самому Цезарю официальный созыв сената, но даже специально подчеркнул (прибегнув к квазиюридической терминологии), что проконсул не имел на это полномочий (*nullo cogendi iure senatus*) [24, p. 116–117]. Кроме того, поэт и в этом эпизоде (3.108–109), и в ряде других характеризует Цезаря как *privatus*. Этот термин, с одной стороны, точно описывает формально-правовое положение промагистратов, а с другой – может использоваться для критики тех из них, кто вмешивался в политику в Риме, т. е. в сферу действия исключительно магистратов. Однако Лукан конструирует никогда не происходивший в реальности случай формального нарушения такого рода¹⁶.

Но если Лукан дезинформирует нас в том, что касается участия промагистрата Цезаря в заседании сената, то опрометчиво будет принять на веру его рассказ о личном обращении проконсула к Метеллу (следовательно, о том, что Цезарь вошел в Рим), поскольку из этого рассказа с необходимостью следует (хотя Луканом и не обсуждается) явное нарушение еще одного основополагающего принципа функционирования промагистратуры: Цезарь оказался *in urbe*, но посчитал, что империй формально не утратил. Таким образом, он допустил нарушение, которое по своим масштабам было бы сопоставимо с официальным созывом сената проконсулом.

¹⁵ При этом поэт допускает явный анахронизм, который влияет на суть интересующего нас вопроса, поскольку храм Аполлона в эпоху Республики находился на Марсовом поле, т. е. как раз там, где проконсул имел право находиться [см.: 4, S. 53, Anm. 181; 5, S. 78–79]. Возможно, сенат действительно собрался в храме Аполлона, но за чертой города.

¹⁶ Этот вывод (и лежащий в его основе тезис о том, что все промагистраты формально являлись *privati*) я надеюсь подробно обосновать в другой публикации. Употребление Луканом термина *privatus* по отношению к Цезарю (а также Помпею) объясняют обычно иначе [см., например: 25, p. 130–131; 26, S. 86–87, 134–135; 27, p. 16, 150].

¹³ Например, о его намерении организовать консульские комиции под председательством претора (Cic. *Att.* 9.9.3; 9.15.2). То, что Цицерон был особенно заинтересован в данном вопросе, поскольку как авгур мог сыграть здесь активную роль, для нас ничего не меняет.

¹⁴ Ср. [23] и конкретно по поводу данного эпизода [5, S. 52, 76].

На это можно возразить, что версия Лукана не может быть легко отброшена, так как она подкрепляется сообщениями Плутарха (ср. комментарий [2, р. 331–334]). Однако показания греческого автора не вызывают доверия именно потому, что по своему содержанию и пафосу мало отличаются от того, о чем пишет Лукан (ср. [4, S. 48–49]). Текст Плутарха не позволяет понять, зачем Цезарю понадобилось совершать приписываемые ему действия: он произносит речь будто бы непосредственно перед самим Метеллом, занимается поисками ключей от эрария, потом приказывает взломать двери казначейства (Plut. *Caes.* 35.3–4; также ср. *Pomp.* 62.1; *Mor.* 206C). Любые детали в составе этого набора (призванные подчеркнуть, что Цезарь проигнорировал *sacrosanctitas* Метелла, хотя вторжение в Италию обосновывал именно защитой трибунов) должны быть поставлены под сомнение и не могут быть приняты без дополнительного обоснования¹⁷.

Таким образом, сообщения Плутарха и Лукана вряд ли следует предпочесть сви-

¹⁷ У Аппиана, например, тоже говорится об угрозах в адрес Метелла, но его текст допускает, что эти угрозы могли быть переданы и на расстоянии (*BCiv.* 2.41). Ср. [28, р. 146]. Как справедливо заметил рецензент статьи, расстояние от эрария до черты города незначительно, поэтому легко представить, что трибун мог сам явиться к проконсулу. Но и в этой гипотетической ситуации Цезарь оставался бы *ad urbem*.

детельству Диона и указаниям в переписке Цицерона на нахождение Цезаря *ad urbem*. Кроме того, в данном случае легитимен, на мой взгляд, *argumentum ex silentio*: Цицерон и его корреспонденты много говорят о различных нарушениях со стороны Цезаря и о столкновении Цезаря и Метелла, но ни слова о том, что проконсул оказался *in urbe* ради личной «встречи» с трибуном, а также утратил империй и право на триумф. Следовательно, в данном случае ничто не препятствует принятию тезиса о технической точности слов самого Цезаря, который по поводу своего отъезда из Города писал не *ex urbe proficiscitur* (как сказано в *BCiv.* 1.6.7 о выходе консулов из Рима), а *ab urbe proficiscitur* (*BCiv.* 1.33.4)¹⁸. Последнее обозначает оставление Цезарем предместий Рима, а не самого Города, в который он так и не вошел. Возникает вопрос о том, как он планировал влиять и в какой степени действительности сумел повлиять на политические процессы в Риме, если по-прежнему считал себя связанным формальными ограничениями, предусмотренными республиканской традицией в отношении промагистратов?

¹⁸ То же самое (*discedens ab urbe*) дважды о проконсуле Помпее, который оставался в окрестностях Рима и в город не вступал (*Caes. BCiv.* 1.33.2; 34.3).

Ссылки

1. Emmelius D. Grenzen schreiben. Das Pomerium und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Bielefeld, 2019. 331 S.
2. Pelling C. Plutarch Caesar. Oxford; New York, 2011. 519 p.
3. Berti N. La guerra di Cesare contro Pompeo: commento storico a Cassio Dione. Libri XLI–XLII. Milan, 1987. 170 p.
4. Woytek B. Arma et nummi. Forschungen zur römischen Finanzgeschichte und Münzprägung der Jahre 49 bis 42 v. Chr. Vienne, 2003. 631 S.
5. Hunink V. M. Annaeus Lucanus. Bellum Civile, Book III. A Commentary. Amsterdam, 1992. 305 p.
6. M. Annaei Lucani Pharsalia / C. M. Francken (ed). Vol. I. Leiden, 1896. 224 p.
7. Brisset J. Les Idées Politiques de Lucain. Paris, 1964. 236 p.

8. Bachofen A. Cäsars und Lucans Bellum Civile: ein Inhaltsvergleich. Zürich, 1972. 176 S.
9. Fabre P. Lentulus, César et l'aerarium // *Revue des Études Anciennes*. 1931. Т. 33. P. 26–32.
10. Gelzer M. Caesar. Politician and Statesman. Oxford, 1968. 359 p.
11. Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»: Aurelius Cotta, tribun de la plèbe en 49 avant J.-C. // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. Vol. I. Rome, 1976. P. 285–292.
12. Alföldi M. R. Caesar in 44 v. Chr. Bd. I. Bonn, 1985. 450 S.
13. Libero L., de. Der Raub des Staatsschatzes durch Caesar // *Klio*. 1998. Bd. 80. S. 111–133.
14. Дементьева В. В. Aerarium sanctius Римской республики // *Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (ред.)*. Ярославль, 2012. С. 8–15.
15. Schmidt O. E. Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero. Leipzig, 1893. 534 S.
16. Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köln; Wien, 1987. 496 S.
17. Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. 195 S.
18. Rawson E. Caesar: Civil War and Dictatorship // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 9 / J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambridge, 1992. P. 424–467.
19. Becker W. A. Handbuch der römischen Alterthümer. Т. 1. Leipzig, 1843. 722 S.
20. Shackleton Bailey D. R. Cicero, Letters to Atticus. Vol. 4. Cambridge, 1968. 479 p.
21. Welch K. E. T. Pomponius Atticus: A Banker in Politics? // *Historia*. 1996. Bd. 45. P. 450–471. Piscataway, NJ, 20
22. Schneider M. Cicero 'Haruspex': Political Prognostication and the Viscera of a Deceased Body Politic 04. 252 p.
23. Lintott A. W. Lucan and the History of the Civil War // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 488–505.
24. Fantham E. Lucan and Republican Senate // *Interpretare Lucano / P. Esposito, L. Nicastri (eds.)*. Napoli, 1999. P. 109–125.
25. Fantham E. Lucan. De bello civili: book II. Cambridge, 1992. 244 p.
26. Helzle, M. Der Stil ist der Mensch: Redner und Reden im römischen Epos. Stuttgart; Leipzig, 1996. 349 S.
27. Asso P. A Commentary on Lucan 'De bello civili' IV. Berlin; New York, 2010. 333 S.
28. Carsana C. Commento storico al libro II delle Guerre Civili di Appiano. P. I. Pisa, 2007. 309 p.